

Grandjean, Ph. (2004). *L'Indochine face au Japon. 1940–1945. Decoux – de Gaulle, un malentendu fatal*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Henry-Haye, G. (1972). *La grande éclipse franco-américaine*. Paris: Plon. (In French).

Huguier, M. (2007). *L'Amiral Decoux: Sur tous les mers du monde*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Légrand, J. (1963). *L'Indochine à l'heure japonaise*. [Cannes: à compte d'auteur]. (In French).

Levinson, G. (1952). Zakhvat Yaponiei Indo-Kitaya [Japanese Capture of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Meshcheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Paris: Passés Composés. (In French). (Electronic edition).

Molodiakov, V. E. (2022a). *Sharl' Morras i «Action française» protiv Germanii: “podlinnoe lionskoe soprotivleniye”*. [Charles Maurras and “Action Française” vs Germany: “genuine resistance of Lyon”]. Moscow – Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Molodiakov, V. E. (2022b). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' pervaya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2023). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' vtoraya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)]. *Yearbook Japan*, 52, 113–132. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance Into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Poujade, R. J. (2007). *L'Indochine dans la sphère de la coprosperité japonaise: De 1940 à 1945*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Вступление Японии в Тройственный пакт: продуманная стратегия или конъюнктурное решение?

Д. В. Стрельцов

Аннотация

В статье рассмотрена мотивация Японии по вступлению в Тройственный пакт с Германией и Италией в 1940 г. Проанализирована внутриаполитическая борьба в Японии в период перед его подписанием – с особым акцентом на позиции основных политических сил, и, прежде всего, армейской и военно-морской группировок. Основным пунктом противоречий между ними был вопрос о том, заключать ли пакт с Германией в контексте возможных последствий этого шага для интересов Японии в связи с ее отношениями с тремя державами – Великобританией, США и СССР.

По мнению автора, с приходом второго кабинета Коноэ в японском руководстве сложился консенсус относительно присоединения к германо-итальянскому пакту. На фоне военных побед Германии в Европе и предполагаемой неготовности США сворачивать политику изоляционизма Токио рассчитывал, что этот шаг позволит зафиксировать раздел сфер влияния трех держав, в рамках которого Япония получила бы обширные колонии европейских стран в Азии.

Япония просчиталась по большинству моментов, обусловивших ее решение вступить в пакт. Японии не удалось использовать Ось в качестве средства «нейтрализации» СССР и США. Оказавшись на стороне нацистской Германии в разгоравшейся мировой войне, Япония утратила любые, в том числе дипломатические, возможности для отхода назад, противопоставив себя гораздо более мощной в экономическом и военном отношениях коалиции, что, в конечном счете, привело ее к катастрофе. Несостоятельным был и расчет Японии на посредничество Германии в деле достижения японо-китайского мира: Чан Кайши отверг любые попытки в этом направлении, видя стратегию двух стран по вишизации правительства Китайской Республики.

Ключевые слова: Япония, Германия, Тройственный пакт, Ось Берлин-Рим-Токио, «армейская группировка», «военно-морская группировка», экспансия на Юг, Зона совместного процветания Восточной Азии.

Автор: *Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, профессор, МГИМО-университет: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского д. 76; Институт Китая и современной Азии: 117997, Россия, Москва, Нахимовский просп., д. 32.

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan's Joining the Tripartite Pact: An Elaborate Strategy or an Opportunistic Solution?

D. V. Streltsov

Abstract

The article addresses the motivation of Japan to join the Tripartite Pact with Germany and Italy in 1940. The internal political struggle in Japan on this issue is analyzed, with special emphasis on the positions of the main political forces and, first of all, the Army and Navy factions. The main point of contradiction between them was the question of whether Japan should conclude a pact with Germany in the context of its interests regarding the relations with the three major powers – Great Britain, the USA, and the USSR.

According to the author, with the arrival of the second Konoe cabinet, there was a consensus in the Japanese leadership on joining the German-Italian pact. Against the background of Germany's military victories in Europe and the alleged unwillingness of the United States to curtail the policy of isolationism, Tokyo hoped that this step would fix the division of the spheres of influence of the three powers, within which Japan would receive extensive colonies of European countries in Asia.

Japan miscalculated most of the points that led to its decision to join the pact. Japan failed to use the Axis as a means of "neutralizing" the USSR and the USA.

Having found itself on the side of Nazi Germany in the outbreak of the World War, Japan lost any, including diplomatic, opportunities to retreat, opposing itself to a much more powerful coalition in economic and military terms, which ultimately led it to disaster. Japan's calculation on German mediation in achieving Japanese-Chinese peace would also be untenable: Chiang Kai-shek rejected any attempts in this direction, seeing through the strategy of Japan and Germany to *Vichy*-ize the government of the Republic of China.

Keywords: Japan, Germany, Tripartite Pact, Berlin-Rome-Tokyo Axis, Army Faction, Navy Faction, Expansion to the South, East Asia Joint Prosperity Zone.

Author: *Streltsov Dmitry Victorovich*, Professor, MGIMO University, 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; Institute of China and Contemporary Asia of RAS, 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

В ноябре 1936 г. Япония заключила с Германией и Италией Анти-коминтерновский пакт. Этот пакт, основанный на общих идейных и политических ценностях, – приверженности всех трех стран идее борьбы с коммунизмом и стремлении сдержать влияние в мире Советского Союза, был предшественником Тройственного пакта – полноценного военного альянса трех стран, заключенного в сентябре 1940 г. Установленные в 1936 г. отношения сотрудничества трех стран, стремившихся к разделу мира и озабоченных разделом сфер влияния, стали полноценной основой процесса формирования данного блока.

Вместе с тем присоединение Японии к Тройственной оси носило отнюдь не императивный характер – ему предшествовали большие раздумья, сомнения и дипломатические игры. Цель данной статьи заключается в том, чтобы более детально разобраться, какова была мотивация Японии в 1939–1940 гг., заставившая ее в конце концов сделать выбор в пользу этого шага, и удалось ли ей достичь поставленных целей. Особый упор будет сделан на слабоизученную

в отечественной историографии внутривнутриполитическую борьбу в Японии в период с 22 мая 1939 г., когда был подписан Стальной пакт между Германией и Италией, до момента подписания Тройственного пакта 27 сентября 1940 г.

Внешнеполитическая ситуация вокруг проблемы трехстороннего пакта в 1936–1939 гг.

После выхода Японии из двух договоров об ограничении военно-морских вооружений – Вашингтонского и Лондонского – основным ее геополитическим противником были не Великобритания или США, а Советский Союз. В глазах Токио он представлял собой рассадник враждебной коммунистической идеологии и источник прямой военной угрозы. Борьба с «красной опасностью» была одной из идейных основ милитаристского режима, установившегося в стране с начала 1930-х гг., а главную скрипку в правящей клике страны играла армия, которая придерживалась концепции продвижения на Север. Закономерным следствием проводимой японским руководством политики явилось подписание в ноябре 1936 г. Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией, который формально не был направлен против СССР, но фактически предусматривал политическую координацию действий трех стран на антисоветской основе. Уже тогда в Японии стала обсуждаться идея превращения Антикоминтерновского пакта в полноценный военный союз.

Одним из препятствий на пути его заключения были японо-германские противоречия в Китае, который на тот момент был главным объектом японских вожделений. Германия имела существенные коммерческие интересы в этой стране и продолжала оказывать режиму Чан Кайши военно-дипломатическую поддержку даже после начала Японией в июле 1937 г. полномасштабной агрессии в Китае. Однако когда весной 1938 г. Берлин отказался от поддержки уханьского правительства Гоминьдана, придя к выводу о приоритете тесных военно-политических отношений с Токио, это препятствие было снято. Летом 1938 г. Германия инициировала первые переговоры о заключении трехстороннего союза с Японией и Италией, рассматривая его в качестве средства сдерживания Великобритании и Франции в рамках подготовки к военной операции по оккупации Чехословакии [Tajima 2016, p. 46].

Практические действия в направлении блокирования с Германией стала предпринимать и Япония. С начала 1939 г. правительство Хиранума, вступив в переговоры с Германией и Италией, придерживалось *тяудо гайко* – «дипломатии среднего пути», задача которой заключалась в том, чтобы повернуть союз против СССР и одновременно не дать втянуть Японию в европейские дела [Yellen 2016, p. 558–559]. За этим стояла главная стратегическая цель Японии: успешно завершить войну в Китае, а на следующем этапе продолжить экспансию на Север – в Сибирь и на Дальний Восток.

Однако для Берлина главным врагом на этом этапе был не Советский Союз, а Великобритания, причем, по мысли министра иностранных дел Й. Риббентропа, союз с Японией должен был обеспечить невмешательство Америки в европейский конфликт. Например, в письме от 7 марта 1939 г. Риббентроп написал послу Японии в Германии Х. Осима: «В рамках Трехстороннего пакта Германия и Италия больше всего на свете ожидают от Японии, что она обеспечит сдерживание Соединенных Штатов и сохранение их нейтральной позиции» [Tajima 2016, p. 46].

Военные столкновения с СССР в 1938–39 гг. резко меняют геополитические расчеты Токио. В результате масштабного пограничного конфликта на озере Хасан в июле 1938 г. и сражений на реке Халхин-Гол в мае-августе 1939 г., продемонстрировавших превосходство советской военной техники и советского оперативного искусства, Япония, осознав реальный военный потенциал РККА, фактически отказалась от агрессивных замыслов в отношении СССР. На повестку дня встает продвижение в сторону Южных морей, а основным проводником этого направления экспансии становится военно-морская группировка, которая усилила свои позиции в политическом руководстве страны. Теперь главным врагом становится Великобритания, сопротивление которой могло серьезно навредить этим планам.

Шоковый эффект в Токио вызвала новость о заключении Германией Пакта о ненападении с СССР 23 августа 1939 г. в ходе визита Риббентропа в Москву. Это событие ускорило отставку кабинета Хиранума, а сменившее его 30 августа 1939 г. правительство адмирала Абэ Нобуюки уже в сентябре заключило перемирие с СССР. В глазах Токио Берлин Токио договорился с Москвой за спиной Японии: этот факт был воспринят как «предательство». Японское руководство пришло к критическому переосмыслению всей проводившейся

ранее прогерманской политики и даже к размышлениям о заключении с СССР сепаратной сделки на двустороннем уровне.

Будучи заинтересованной в стабильности своего тыла, Япония теперь озаботилась поиском путей дипломатического сдерживания и нейтрализации СССР, одним из которых представлялось заключение с Москвой пакта о нейтралитете и даже ее вовлечение в трехсторонний пакт с Германией и Италией. И хотя кабинет Абэ был крайне скоротечным, заданная им линия на советском направлении продолжилась и после его падения. Японская политическая и военная элита извлекла жизненно важный урок из Халхин-Гольского инцидента: полагаться в отношениях с Москвой исключительно на дипломатические методы, избегая войны с Красной Армией. Этот урок сохранял для Токио свою значимость вплоть до 1945 г.

Однако оставался нерешенным другой вопрос – как вести себя по отношению к Германии и Италии, заключившим в мае 1939 г. Сталинский пакт? Германия в тот период продолжала активно зазывать Японию в пакт, выступая с идеей создания трехстороннего союза как инструмента сдерживания Великобритании в Европе. Однако Токио колебался – работал аргумент об опасности вовлечения в ненужный конфликт на далеком от нее континенте в условиях незавершенной войны в Китае. Кроме того, Япония опасалась, что чересчур тесные связи с нацистской Германией могут посорить ее с США – основным поставщиком нефти и иных стратегических материалов, без которых она не могла бы продолжать затянувшуюся войну на материке, не говоря уж о том, чтобы двигаться на Юг.

К тому же Японии удалось договориться с Великобританией, которая, подписав 24 июля 1939 г. соглашение Крейг-Арита, гарантировала ей доминирующее положение в Китае [Dülffer 1986, p. 230]. Таким образом, во второй половине 1939 г. существовал значительный и, казалось бы, непреодолимый разрыв между стратегическими позициями Японии и Германии по отношению к европейскому театру, который не позволял надеяться на подписание полноценного военного союза.

Внутриполитическая борьба в Японии

В японском руководстве не было единства мнений по поводу дальнейшей стратегии на европейском направлении. Там существовало

несколько группировок, каждая из которых оценивала данный вопрос на основе собственного видения перспектив развития геополитической ситуации в мире. Основным пунктом противоречий между ними был вопрос о том, заключать ли пакт с Германией в контексте возможных последствий этого шага для интересов Японии, которые оценивались в связи с ее отношениями с тремя державами – Великобританией, США и СССР.

За союз с Германией выступали представители японского МИДа – это были посол в Италии Сиратори Тосио, посол в Германии Осима Хироси, а также Мацуока Ёсукэ, который позднее занял пост министра иностранных дел во втором кабинете Коноэ (июль 1940 – октябрь 1941 г.) Они блокировались с армейской верхушкой во главе с военным министром С. Итагаки. Армейская группировка исходила из того, что альянс с Германией выгоден Японии, так как позволит нейтрализовать Великобританию и сдержать Советский Союз, который будет вынужден сосредоточиться на подготовке к войне в Европе и ослабить внимание к Азии, приостановив военную помощь правительству Чан Кайши.

Скептически пакт с Германией, заняв практически противоположную позицию, оценивали группа сторонников южного направления экспансии. Сюда входила часть японского внешнеполитического истеблишмента, а также некоторые руководители военно-морского флота¹. Наиболее ярким представителем этого направления был адмирал Ёнаи Мицумаса, который последовательно выступал против подключения Японии к пакту с Германией и Италией в период пребывания на посту военно-морского министра с февраля 1937 по август 1939 г. [Aizawa 2010, p. 135]. Однако в числе противников пакта можно было видеть не только морских офицеров: там были и *гэнро* К. Сайондзи, и главный идеолог «императорского пути» С. Араки, и «либералы» – К. Номура, Ц. Мацудайра, К. Хориноути, а также бывший посол в Германии К. Мусякодзи, подписавший от Японии Антикоминтерновский пакт. Против пакта выступал и экс-министр иностранных дел Х. Арита, для которого эта позиция стала личным выпадом против Мацуока и армейских кругов [Молодяков 2006, с. 330].

¹ Они условно названы в статье военно-морской группировкой, хотя следует понимать, что ее взгляды разделяли далеко не все офицеры императорского флота.

Представители военно-морской группировки, занимавшие ключевые посты в императорском флоте, относились к конфликту с Англией более скептически, чем армейская группировка, и выступали против превращения Анτικοминтерновского пакта в полноценный антибританский союз. Многие из них имели пробританское воспитание, пройдя стажировки в британских военно-морских школах, и хорошо помнили о том, что подъем Японии как мощной военно-морской державы пришелся на период после заключения в 1902 г. японо-английского союза, ставшего важным фактором победы в войне с Россией в 1904–05 гг.

Следует признать, однако, что основу оперативного состава среднего и низшего звена императорского флота составляли тогда прогермански настроенные офицеры, многие из которых получили военное образование в Германии. Свою роль играла высокая оценка технических возможностей германского подводного флота, который мог эффективно угрожать морским коммуникациям Великобритании и США. Кроме того, после окончания действия англо-британского союза в 1922 г. стажировки для морских офицеров в Англии прекратились, а Великобритания и США, навязавшие Японии на Вашингтонской и Лондонской конференциях ограничения на военно-морское строительство, стали восприниматься ими как противники [Аuer 2006, p. 93].

Другим камнем преткновения двух течений в японском руководстве явился вопрос о привлечении СССР к членству в пакте. Значительная часть военно-морской группировки выступала против превращения отношений с Германией в полноценный антисоветский союз – главным образом потому, что ее представители понимали гибельность для Японии войны на два фронта и необходимость обеспечения прочного тыла в период экспансии на Юг. К ним примыкала часть внешнеполитического истеблишмента из числа специалистов по России, имевших реалистические представления о военном потенциале СССР.

Например, упомянутый М. Ёнаи с большим сомнением относился к Анτικοминтерновскому пакту и выступал против сотрудничества с Германией на антисоветской основе, которое бы только усилило враждебность между Токио и Москвой. Во времена своей молодости, в 1915–1917 гг., он работал военно-морским атташе в Петрограде, хорошо знал русский язык и считал Россию/СССР дружественным Японией государством в ее противостоянии с США и Великобританией.

Продолжал Ёнаи выступать за хорошие отношения с СССР и после назначения в феврале 1937 г. на пост военно-морского министра.

О том что в руководстве Японии имеется влиятельная группировка сторонников сближения с Москвой, свидетельствует документ «Методы немедленного и благоприятного прекращения китайского инцидента», датированный 19 июля 1939 г. Он не имеет четкого авторства. По одним сведениям, он принадлежал перу Ё. Мацуока, по другим – послу Т. Сиратори [Tajima 2016, p. 47]. В документе утверждалось, что для завершения затянувшейся китайско-японской войны Японии было бы выгодно привлечь на свою сторону Советский Союз и сформировать коалицию четырех стран в составе Японии, Германии, Италии и СССР. В документе предлагался раздел сфер влияния с Советским Союзом и содержалось следующее замечание: «Если между Великобританией и Советским Союзом начнутся военные действия, было бы целесообразно... созвать совершенно секретное совещание генеральных штабов Японии, Советского Союза, Германии и Италии против Великобритании, Соединенных Штатов и Франции. (...) Мощь сотрудничества между Японией, Советским Союзом, Германией и Италией, безусловно, не уступала бы мощи сотрудничества между Великобританией, Соединенными Штатами и Францией с точки зрения дипломатии, войны и экономики [Tajima 2016, p. 48]».

Несмотря на имеющиеся противоречия, во всех наиболее влиятельных институтах страны – как в армии, так и во флоте и в МИДе, – существовали и общие для всех алармистские настроения, основанные на реалистичной оценке военно-экономического потенциала Японии, а также понимании рисков, связанных с вовлечением в конфликт с США в случае подписания пакта с Германией. Однако если в армии эти настроения уравнивались надеждами на продолжение Вашингтоном традиционной политики изоляционизма, а также расчетом на то, что Рузвельт воздержится от борьбы на два фронта, которая стала бы неизбежной после подписания японо-германского союза, то представители военно-морской группировки не питали на этот счет больших иллюзий.

Сильную обеспокоенность возможным ухудшением японо-американских отношений в результате присоединения к пакту проявлял, например, заместитель военно-морского министра Ямамото Исороку, который солидаризовался по данному вопросу с М. Ёнаи, больше озабоченным последствиями для японо-британских отношений

[Aizawa 2010, p. 138]. А в октябре 1940 г., уже после подписания Тройственного пакта, адмирал Ямамото открыто заявил: «Сражаться с Соединенными Штатами – это все равно, что сражаться со всем миром... Несомненно, я умру на борту «Нагато» (флагман японского императорского флота – Д. С.). Тем временем Токио будет сожжен дотла трижды» [Jeffrey 2009, p. 3].

По мнению японского исследователя К. Аидзава, негативная оценка М. Ёнаи и И. Ямамото союза с Германией имела различные корни. Если «русофил» Ёнаи выступал против Анτικοминтерновского пакта в первую очередь потому, что понимал реальное соотношение сил в случае конфликта Японии с СССР, то Ямамото делал это в силу своего крайне критичного отношения к армии, которая, по его мнению, беспрепятственно расширяла свою экспансию в Китае [Aizawa 2010, p. 140]. Объединяло их то, что оба они были ярыми сторонниками продвижения на Юг.

Противостояние между армейской и военно-морской группировками по поводу пакта с Германией достигло своего апогея летом 1939 г., когда 8 августа на совещании «Пятерки» (малого кабинета министров, в котором участвовали пять руководителей наиболее значимых для ведения войны министерств) в ответ на предложение министра армии С. Итагаки немедленно заключить пакт министр финансов С. Исивата задал вопрос военно-морскому министру М. Ёнаи относительно шансов коалиции Германии, Италии и Японии победить в войне с коалицией Великобритании, Франции, США и СССР, тот ответил, что таких шансов просто нет [Auer 2006, p. 88]. Окончательно вопрос о вступлении в пакт был снят с повестки дня после поступления новости о подписании советско-германского Пакта о ненападении.

Факторы подписания пакта в 1940 г.

В течение следующего, 1940 года ситуация в Европе резко изменилась, что стало решающим фактором в пользу изменения осторожной позиции японского руководства по отношению к пакту с Германией и Италией. Огромное впечатление на Токио произвели победы вермахта в Скандинавии и Западной Европе в апреле-июне 1940 г., и, прежде всего, оккупация Франции и трех стран Бенилюкса. Череда побед Германии открыла для Японии новые возможности для начала экспансии на Юг, и прежде всего в Юго-Восточной Азии и на Тихом

океане, где находились колонии разгромленной Гитлером Франции и оккупированной Голландии. 1 августа 1940 г. Ё. Мацуока, министром иностранных дел во втором кабинете Коноэ, была провозглашена идея создания Зоны совместного процветания Восточной Азии. В ее состав, в дополнение к голландским и французским владениям, были включены также британские колонии и доминионы.

Ускорение приготовлений к продвижению на Юг, по мнению некоторых исследователей, в числе прочего было связано с опасениями, что Германия попытается использовать успехи в Европе для закрепления своих прав на колонии побежденных стран. Например, гонконгский исследователь Дж. Йеллен пишет об опасениях среди японской военной и политической элиты, что Германия, празднуя одну военную победу за другой, разовьет у себя аппетит к мировому господству и попытается захватить перед носом у Японии французские и голландские колонии в Азии [Yellen 2016]. На фоне этих опасений японские лидеры в качестве предварительного условия для создания Оси Берлин–Рим–Токио пытались сделать признанием Берлином особых интересов Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии [Yellen 2016, p. 557–558].

Нельзя не признать, что определенные основания для такой трактовки событий имелись. Например, германское правительство после падения Франции в противоположность надеждам Токио не пошло на то, чтобы официально отказаться от французских колониальных владений в Азии. Очевидно у немцев не было повода для проявления «благодарности» японцам, с которыми у них на тот момент формально отсутствовали союзнические отношения.

Однако верно и то, что Германии в тот момент приходилось учитывать международное положение «союзной» ей вишистской Франции в европейской войне против Великобритании. К тому же, будучи заинтересованной в пакте с Японией, особенно в контексте дальнейших планов экспансии на континенте, Германия все же пошла ей на некоторые уступки по азиатским делам. Например, 20 мая 1940 г. Й. Риббентроп отказался от любых претензий Германии на голландскую Ост-Индию. Его заявление гласило, что германо-голландский конфликт был исключительно европейским делом и не имел ничего общего с любыми вопросами, касающимися территорий за пределами континента, и что Германия не проявляет никакого интереса заниматься этими вопросами. Поэтому вряд ли утверждение Йеллена

полностью соответствует действительности: в Японии, по всей видимости, хорошо понимали, что у Германии отсутствовали в тот момент военные и экономические возможности продвинуться в Юго-Восточную Азию [Goeschel 2022, p. 10].

Тем временем США предприняли в 1940 г. ряд шагов, которые свидетельствовали об иллюзорности надежд Токио и Берлина на сохранение Вашингтоном нейтралитета в будущих конфликтах с ними. 17 августа 1940 г. в Ольденбурге между США и Канадой было подписано соглашение о создании совместного командования для координации обороны Северной Америки. Оно продемонстрировало солидарность США с британским правительством, которое в одиночку продолжало сопротивление нацистам в Европе. В сентябре 1940 г. Вашингтон разработал с правительством У. Черчилля соглашение о предоставлении ему 50 эсминцев в обмен на аренду британских баз в Средиземном море и в иных чувствительных для Германии и Италии стратегических районах мира. В результате в Германии пришли к выводу о том, что в создавшихся обстоятельствах Великобритания вряд ли капитулирует [Stratman 1970, p. 76].

В свою очередь, это усилило мотивацию Берлина к заключению пакта с Токио, которая была основана на старой идее о том, что Тройственный пакт станет гарантией от вмешательства США в европейские дела, так как последние не захотят воевать на два фронта (в Европе и Азии). Что касается Японии, американско-британское соглашение об аренде баз дало пищу для опасений, что флот США может переместиться в крупнейшие базы британского флота в Азии – Сингапур или Гонконг, усиливая тем самым решимость Великобритании продолжать войну.

Другим новым проявлением американского фактора стало усиление Рузвельтом поддержки правительства Чан Кайши. Еще в декабре 1938 г. чунцинскому правительству был предоставлен политический важный заем объемом 25 млн. долл. США, ставший началом программы финансовой и военной помощи гоминдановскому правительству. Это в свою очередь усиливало пессимизм в японском руководстве, осознавшем, что националистический Китай вряд ли удастся победить в обозримом будущем, несмотря на активные действия по его политической и военной изоляции. Например, в феврале 1940 г. в ходе беседы британского посла в Японии Р. Крейги с заместителем министра иностранных дел Тани последний выразил большую

обеспокоенность «различными видами» поддержки правительства Чан Кайши со стороны США, причем, как отмечается в телеграмме американского посла Дж. Грю госсекретарю США, «беспокойство Тани было искренним», и «по всем признакам он был сильно расстроен».² В создавшейся ситуации сторонники сближения с Германией стали склоняться к мысли о том, что вступление в пакт даст дополнительные рычаги давления на Америку, заставив ее считаться с объединенной мощью трех держав и проводить более осторожную политику по отношению к Японии.

Однако в военном и политическом истеблишменте страны по-прежнему не наблюдалось никакого единства по проблеме вступления в пакт. Если в армии преобладала точка зрения, что заключение пакта предоставит Японии дополнительные гарантии от вмешательства СССР в китайскую войну и благодаря этому даст возможность успешно завершить кампанию на материке, то во флоте занимали более осторожную позицию, основанную на предположении, что пакт с Германией окончательно подвинет страну к ссоре с США, а это крайне нежелательно в условиях экспансии на Юг из-за сильной зависимости флота от американских поставок топлива и других стратегических материалов. Кроме того, во флоте более остро ощущали риски от втягивания страны в войну в Европе, которую они оценивали как сложившуюся в пользу Германии более скептически и не считали Великобританию окончательно поверженной.

Ситуация изменилась с приходом к власти 16 июля 1940 г. второго кабинета Коноэ, в который вошел прогермански настроенный Ё. Мацуока, возглавивший внешнеполитическое ведомство. Он энергично продавливал решение о присоединении к пакту, полагая, что дни Великобритании уже сочтены и нужно успеть к разделу «мирового пирога». Военно-морской министр Ёсида Дзэнго, единственный противник пакта с Германией в правительстве Коноэ, апеллировал к риску военного столкновения с США, но не был услышан и ушел в начале сентября 1940 г. в отставку в состоянии сильного нервного истощения [Paine 2017, p. 150].

В результате в японском руководстве сложилась консенсусная оценка геополитической ситуации на тот момент, в соответствии

² The Ambassador in Japan (Grew) to the Secretary of State. *Foreign relations of the United States, diplomatic papers, 1940, the Far East, Vol. IV*: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1940v04/d684>

с которой США пока еще не готовы полностью сворачивать политику изоляционизма, а потому Япония не должна упустить момент, связанный с победами Германии в Европе и уязвимым положением Великобритании, Франции и Нидерландов, чтобы предъявить свои претензии на новые территории в Южных морях. Наилучшим способом достижения этой цели представлялось присоединение к германо-итальянскому пакту. По мнению российского исследователя Д. Милеева, данное решение было принято на фоне того, что в политической элите Японии «резко укрепили позиции германофильские группировки, которые видели возможность использовать обретенную мощь Германии для усиления влияния Японии на Дальнем Востоке» [Милеев 2010, с. 8].

Кроме того, армейское руководство энергично доказывало, что пакт защитит Японию от ее злейшего врага, Советского Союза [Paine 2017, p. 150]. Однако в реальности главным врагом Японии на тот момент по-прежнему оставался Китай. Преобладающей в политическом руководстве была точка зрения о необходимости заключения пакта о нейтралитете с СССР и даже привлечения Москвы к Тройственной оси. Нелишне вспомнить в этой связи, что в конце мая 1940 г. японскому послу в Москве из Токио пришло указание приступить к переговорам по вопросу о заключении пакта о нейтралитете [Тобэ 2015, с. 379].

Пакт с Германией-Италией и пакт с СССР в этой парадигме не противоречили друг другу. Более того, Япония по-прежнему всерьез воспринимала возможность заключения четырехстороннего союза и уже после заключения Тройственного пакта рассчитывала на успех дипломатической игры, которую в ноябре 1940 г. затеял Берлин с целью договориться с Москвой о разделе сфер влияния в мире.

Подписание Тройственного пакта и его политические последствия для Японии

Летом 1940 г. крупный японский дипломат, бывший министр иностранных дел Н. Сато посетил Италию и Германию, чтобы выяснить положение дел в Европе и прозондировать намерения их лидеров в отношении переговоров об усилении Анतिकоминтерновского пакта, прерванных в августе 1939 г. после подписания советско-японского пакта о ненападении [Добринская 2017, с. 57]. На фоне отказа

Великобритании принять предложение Гитлера о мире, высказанное им публично 19 июля 1940 г., Германия обрела дополнительный стимул к вовлечению Японии в пакт, особенно с учетом возможности вступления США в европейскую войну на стороне Великобритании.

В июле 1940 г. на совещаниях политического руководства был сделан вывод о том, что наилучшим решением для создания большей сферы влияния в Восточной Азии будет соглашение Японии с Германией и Италией, основанное на взаимном признании сфер интересов на Западе и на Востоке, но без каких-либо обязательств по вступлению в войну. Это решение, в частности, было зафиксировано на конференции в Огикубо 19 июля, где также было рекомендовано заключить пакт о ненападении с Советским Союзом [Dülffer 1986, p. 231]. Позиция Японии была зафиксирована в меморандуме «Об укреплении сотрудничества между Японией, Германией и Италией», принятом 30 июля 1940 г.

С германской стороны для ускорения процесса подписания пакта в Японию в сентябре 1940 г. был направлен помощник Риббентропа Генрих Штамер (впоследствии посол Третьего рейха в этой стране). Германия попыталась добиться конкретных обязательств о вступлении в войну. Германский проект предполагал, что такие обязательства будут действовать в том случае, если одна из трех держав подвергнется «либо открытому, либо скрытому нападению» со стороны державы, не участвующей ни в одной из войн [Stratman 1970, p. 78]. Очевидно, этот пункт был направлен против США, которые оказывали военную и экономическую помощь Великобритании. Германия исходила из следующего: если бы в пакте было четко указано, что Америка автоматически оказывается в состоянии войны со всеми странами Оси, это эффективно удержало бы ее от вступления в войну.

Япония же, как уже отмечалось выше, была против фиксирования подобных обязательств. Она выступила с предложением ограничиться пунктом о взаимопомощи, согласно которому партнеры по договору будут поддерживать друг друга «всеми возможными средствами» в случае войны, но без конкретных обязательств по вступлению в нее. Германия, поняв, что на большее ей рассчитывать не приходится, была вынуждена принять японскую формулировку.

27 сентября 1940 г. Адольф Гитлер, посол императорской Японии в Германии Курусу Сабуро и министр иностранных дел Италии граф Галеаццо Чиано, зять Муссолини, подписали в Берлине Тройственный

пакт³. Документ представлял собой базовое соглашение трех сторон – Германии, Италии и Японии – о разграничении своих сфер влияния в Европе и в Азии. Именно этому были посвящены первые две статьи документа.

3-я статья пакта предусматривала, что если одна из договаривающихся держав подвергнется нападению со стороны «державы, в настоящее время не вовлеченной в европейскую войну или в японо-китайский конфликт», прочие участницы пакта окажут ей помощь всеми имеющимися средствами. В этой статье, очевидно, подразумевались США, так как СССР был формально исключен из действия пакта: статья 5 пакта подтверждала сохранение политического статуса, существующего в отношениях стран-участниц с Советским Союзом (здесь, очевидно, подразумевался советско-германский Пакт о ненападении).

В обменных письмах между министром иностранных дел Японии Ё. Мацуока и германским послом в Токио О. Оттом были обозначены секретные дополнения к публичному соглашению. Они представляли собой уступки Германии в ответ на согласие Японии на вступление в пакт. Германия соглашалась с тем, что вывод о наличии факта нападения на одну из договаривающихся сторон будет делаться в ходе консультаций между тремя участниками договора, и что Япония будет свободна выбирать, вступать ли ей в войну. Бывшие германские колонии на Тихом океане оставались у Японии, прочие же германские колонии, находящиеся под ее контролем, Германия соглашается продать ей после окончания войны в Европе. Кроме того, в документах, приложенных к пакту, оговаривалось, что Германия будет «содействовать дружественному взаимопониманию» с СССР и «предлагать с этой целью свои услуги», направленные на налаживание сотрудничества между участницами пакта, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой [Stratman 1970, p. 81].

Для Японии, стремившейся избежать столкновения с Советским Союзом, заключение Тройственного пакта означало качественное улучшение отношений с Германией, которые ухудшились после германо-советского договора о ненападении 1939 г. Одновременно Япония рассчитывала на скорое вовлечение СССР в пакт. Уже 3 октября, т.е. совсем скоро после подписания пакта, министерство иностранных

³ Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940. // Yale Law School. Lilian Goldman Law Library. <https://avalon.law.yale.edu/wwii/tri-parti.asp>

дел Японии подготовило «Предложение о руководящих принципах урегулирования отношений между Японией и Советским Союзом». В его 7-й статье после изложения концепции раздела сфер влияния в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии говорилось о том, что «участвующие в пакте державы предложат Советскому Союзу сотрудничество в построении нового порядка. На этой основе державы будут неустанно работать над тем, чтобы вовлечь Советский Союз в альянс по созданию альянса четырех держав» [Tajima 2020, p. 52]. В статье содержался проект разделения сфер влияния между СССР и Японией в Азии, в рамках которого за СССР признавалась бы внешняя Монголия и Синьцзян, за Японией – три северных провинции Китая [Tajima 2020, p. 257–279]. А в принятой 3 февраля 1941 г. директиве к четырехсторонним переговорам (с участием Германии, Италии, Японии и СССР) предлагалось поделить мир на четыре зоны влияния, одну из которых (Индия, Иран и Афганистан) признать за СССР [Tajima 2020, p. 257–279].

Возвращаясь к вопросу из заголовка статьи, а именно – было ли вступление Японии в Тройственный пакт результатом продуманной стратегии или конъюнктурным решением, следует признать, что имеющиеся материалы не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Конечно, встав на путь внешней экспансии, Япония на протяжении нескольких лет сознательно двигалась в направлении союза с нацистской Германией и фашистской Италией в силу сходства политической системы и стратегических целей, заключающихся в разделе мира и установлении мирового господства. Однако конкретное решение присоединиться к пакту в сентябре 1940 г., очевидно, было основано на субъективной и глубоко ошибочной оценке ситуации, сложившейся на тот момент в Европе: Великобритания вот-вот капитулирует, США вмешиваться не будут, а с СССР удастся договориться, поэтому настало время «делить мир».

Япония просчиталась по всем основным пунктам, обусловившим ее решение вступить в пакт. Во-первых, это касалось ее мотивов в отношении СССР. С позиций японского руководства, идея посредничества Берлина в деле установления договорных отношений с СССР, с перспективой привлечения Москвы к Оси, была одной из важнейших причин подключения Японии к Трехстороннему пакту. Между тем проведенные в ноябре 1940 г. переговоры Германии с министром иностранных дел В. М. Молотовым продемонстрирова-

ли принципиальные различия сторон в подходах к вступлению СССР в договорные отношения со странами Оси. При этом Япония не была поставлена в известность об итогах этих переговоров и узнала о них лишь в конце марта 1941 г., когда в ходе визита Ё. Мацуока в Берлин выяснилось, что Германия не собирается помогать Японии в заключении пакта о ненападении с СССР, а уж тем более содействовать вовлечению Москвы в Трехсторонний пакт. В ответ на прозвучавшее 28 марта заявление Мацуока о том, что «без усилий и военной мощи Германии нет абсолютно никаких шансов на улучшение японо-советских отношений», обозначившее надежду Японии на германское посредничество, Риббентроп ответил, что «о присоединении СССР к Трехстороннему пакту не может быть и речи». Более того, в своем вступительном слове на встрече, состоявшейся 29 марта, Риббентроп попытался побудить Японию к активным действиям, заявив, что «Япония должна продвинуться на Юг и напасть на Сингапур, не беспокоясь о каком-либо вмешательстве со стороны России» [Tajima 2016, p. 56]. На этом фоне Японии пришлось самостоятельно договариваться с СССР, заключив 13 апреля 1941 г. с Москвой Пакт о нейтралитете, причем делать это втайне от своего германского союзника.

Японские лидеры не были осведомлены и о решении Германии начать подготовку к агрессии против СССР. Когда 22 июня 1941 г. Германия без уведомления Японии начала войну, это событие, по словам японского премьера Коноэ Фумимаро, было «вторым актом предательства Германии», последовавшим за «первым актом предательства (заключением германо-советского Пакта о ненападении – Д. С.)» [Tajima 2016, p. 57]. С самого начала Ё. Мацуока признавал: «Если вспыхнет русско-германский вооруженный конфликт, Тройственный пакт будет парализован, а Японии будет нанесен ущерб» [Соох 1972, p. 556]. Вторжение Германии в СССР наглядно продемонстрировало правительству Японии ошибочность всех его политических расчетов, касающихся Трехстороннего пакта.

Во-вторых, нелогичным и нерациональным оказалось для Японии вступление в Ось и с той точки зрения, что она в конечном счете оказалась втянутой, пусть и опосредованно, в далекий от ее интересов конфликт в Европе, чего ранее она всеми средствами старалась избежать. В реальности Япония, хотя и обладала в то время одним из трех крупнейших военно-морских флотов в мире, была поглощена войной с Китаем и не имела возможности вмешаться в дела Европы.

В свою очередь, и Германия, начав агрессивную войну против СССР, не могла оказать Японии существенную военную помощь на азиатском фронте. Фактически это лишало пакт какого-либо реального значения в качестве полноценного военного союза. Кроме того, оказавшись в результате подписания пакта открыто на стороне нацистской Германии в разгоравшейся мировой войне, Япония «сожгла за собой мосты» и утратила любые, в том числе дипломатические, возможности для отхода назад, противопоставив себя гораздо более мощной в экономическом и военном отношениях коалиции, что, в конечном счете, привело ее к катастрофе.

В-третьих, не сработала и идея нейтрализации США с помощью пакта. С одной стороны, открытие военных действий против СССР в июне 1941 г. означало, что части вермахта будут сосредоточены на советском фронте. Это резко снижало в глазах Японии способность Германии действовать в качестве сдерживающего фактора в отношении США. К тому же две страны-союзницы так и не смогли эффективно координировать свою политику сдерживания Америки в рамках пакта: несмотря на давление Германии, Япония добилась права самостоятельно решать, вступать ли ей в войну с США, что было подтверждено не только самим текстом пакта, но и решением совещания участниц пакта от 3 сентября 1941 г. [Dobson 1999, p. 181].

С другой стороны, подписание пакта не только не «охлодило» Вашингтон, наоборот, оно усилило позиции там сторонников активной политики и отхода от изоляционизма. США немедленно усилили политику торговых ограничений против Японии, распространив в к. 1940 – н. 1941 гг. эмбарго на лом, авиационное топливо, сталь, цинк, никель и иные цветные металлы [Носов 2015, с. 85]. Таким образом, результатом союза с Германией для Японии стало дальнейшее увеличение градуса противостояния с Америкой и усиление американской поддержки Великобритании.

Для США пакт превратил Японию из региональной угрозы на Тихом океане в глобальную – последняя стала восприниматься в тесной увязке с агрессивной политикой Гитлера, апофеозом которой стало вторжение в СССР 22 июня 1941 г. Как отмечала С. Мураками, никакое другое действие не могло бы так эффективно подтвердить утверждение сторонников жесткой линии в Вашингтоне о том, что «продвижение Японии на Юг было частью обширного плана Оси по завоеванию мира, который в конечном итоге достигнет Америки,

если та немедленно не предпримет действий, чтобы его остановить» [Murakami 1989, p. 145]. Именно участие Токио в пакте стало одним из основных причин провала дальнейших переговоров между Японией и США, явившегося основной причиной нападения Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 г.

В-четвертых, не получилось у Токио и ускорить победное завершение войны с Китаем за счет «эффективной нейтрализации» СССР и США. С одной стороны, Япония рассчитывала использовать германское посредничество для установления тесных отношений с СССР (от военной помощи которого Чан Кайши находился в критической зависимости), в том числе для того, чтобы добиться с помощью последнего мира с Китаем на японских условиях. Эта стратегия, как было показано выше, полностью провалилась после подписания пакта. С другой стороны, несостоятельным был и расчет Японии на прямое посредничество Германии в деле достижения мира с Китаем: Чан Кайши отверг любые попытки в этом направлении, видя насквозь стратегию двух стран по «вишизации» правительства Китайской Республики [Tajima 2016, p. 55–57]. На этом фоне японскому правительству пришлось в конце ноября 1940 г. признать марионеточную административную Ван Цзинвэя, что ни в коей мере не приблизило Японию к искомому целям на китайском направлении.

Библиографический список

Добринская О. А. (2017). Сато Наотакэ: путь дипломата. *Японские исследования*. № 3. С. 51–67.

Милеев Д. А. (2010) Некоторые вопросы сотрудничества Японии и Германии во Второй мировой войне. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. № 2. С. 7–26.

Молодяков В. Э. (2006) *Эпоха борьбы: Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель*. Москва: АИРО.

Носов М. Г. (2015) США – Япония: между началом Второй мировой войны и Пёрл-Харбором. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 2. С. 79–96.

Тобэ Р. (2015). Политика Японии в отношении Советского Союза в 1931–1941 гг.: проблема советско-японского пакта о ненападении. *Российско-японские отношения в формате параллельной истории*. Под общ. ред. А. В. Торкунова и М. Йокибэ. Москва: Издательство МГИМО-Университет. С. 361–391.

References

- Aizawa, K. (2010). Japan and the Tripartite Pact. International Forum on War History 2010 “The Strategy of the Axis Powers in the Pacific War”. *National Institute for Defense Studies*. September 29, 2010. P. 129–144 Retrieved January 31, 2024, from <https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/forum/e2010.html>
- Auer, J. E. (ed.) (2006). *Who Was Responsible? From Marco Polo Bridge to Pearl Harbor*. Tokyo: Yomiuri Shimbun.
- Coox, A. D. (1972). Japanese Foreknowledge of the Soviet German War, 1941. *Soviet Studies*, 23 (4), 554–572.
- Dobrinskaya, O. (2017). Sato Naotake: put’ diplomata [Naotake Sato: The Way of a Diplomat]. *Japanese Studies in Russia*, 3, 51–67. (In Russian).
- Dobson, H. (1999). The Failure of the Tripartite Pact: Familiarity Breeding Contempt Between Japan and Germany, 1940–45. *Japan Forum*, 11(2), 179–190.
- Dülffer, J. (1986). The Tripartite Pact of 27 September 1940: Fascist Alliance or Propaganda Trick? *Australian Journal of Politics & History*, 32, 228–237.
- Goeschel, C. (2022). Performing the New Order: The Tripartite Pact, 1940–1945. *Contemporary European History*, July, 1–17.
- Jeffrey, R. (2009). *Japan’s Decision for War in 1941: Some Enduring Lessons*. Strategic Studies Institute, US Army War College.
- Mileev, D. (2010). Nekotorye voprosy sotrudnichestva Yaponii i Germanii vo Vtoroi mirovoi voine [Some Issues of Cooperation Between Japan and Germany in World War II]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Universal History], 2, 7–26. (In Russian).
- Molodyakov, V. (2006). *Epokha bor’by: Siratori Tosio (1887–1949): diplomat, politik, myslitel’*. [The Era of Struggle: Toshio Shiratori (1887–1949): Diplomat, Politician, Thinker]. Moscow: AIRO. (In Russian).
- Murakami, S. (1989). Indochina: Unplanned Incursion. In: Conroy, H., Wray, H. (eds.), *Pearl Harbor Reexamined: Prologue to the Pacific War* (pp. 141–150). Honolulu: University of Hawaii Press.
- Nosov, M. (2015). SShA – Yaponiya: mezhdunarodnyye otnosheniya vo Vtoroi mirovoi voine i Perl-Kharborom [USA – Japan: Between the Beginning of the Second World War and Pearl Harbor]. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2, 79–96. (In Russian).

Paine, S. C. M. (2017). *The Japanese Empire: Grand Strategy From the Meiji Restoration to the Pacific War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stratman, G. J. (1970). *Germany's diplomatic relations with Japan 1933–1941*. Thesis, Dissertations, Professional Papers. Paper 2450. Retrieved March 21, 2023, from <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=9f1dd873632f7a0ea024b0c5094e358ba187cef9>

Tajima, N. (2016). Tripartite Pact Between Japan, Germany and Italy. In *International Forum on War History: Proceedings* (pp. 45–60). Retrieved March 21, 2023, from <http://www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2016/03.pdf>

Tajima, N. (2020). Nichidoku bokyō kyōtei, nichūdoku sankokudōmei: Indo, Afuganisutan, Iran wo shōten to shite [Anti-Comintern Pact, Tripartite Pact, War Alliance Between Japan, Germany and Italy: Focusing on India, Afghanistan and Iran]. *Seijo Law Review*, 01(86), 257–279. Retrieved May 5, 2022, from <https://cir.nii.ac.jp/crid/1520290882917670528> (In Japanese).

Tobe, R. (2015). Politika Yaponii v otnoshenii Sovetskogo Soyuza v 1931–1941 gg.: problema sovetsko-yaponskogo pakta o nenapadenii [Japan's Policy Towards the Soviet Union in 1931–1941: The Problem of the Soviet-Japanese Non-Aggression Pact]. In: A. Torkunov and M. Iokibe (Eds.). *Rossiysko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii* [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. Moscow: MGIMO University. (In Russian).

Yellen, J. A. (2016). Into the Tiger's Den: Japan and the Tripartite Pact, 1940. *Journal of Contemporary History*, 51(3), 555–576.